

ОБЕЛИСКИ В ФИНИКИЙСКОЙ И ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИЯХ

А. А. Спартак

Минск, Белорусский государственный университет, spartak@bsu.by

В докладе рассматривается проблема восприятия древнеегипетской традиции установки обелисков как элементов царской власти в городах-государствах Финикии и в Древнем Израиле. Делается вывод о том, что установка каменных монументов (в том числе и обелисков) как связующих элементов между миром живых и миром предков являлась общесемитской традицией. В Финикии наблюдалась преемственность древнеегипетской традиции, в Древнем Израиле в силу особых религиозных взглядов на институт царской власти традиция не была перенята.

Ключевые слова: Древний Египет; обелиски; царская власть; города-государства Финикии; Израиль.

In the report the problem of perception of Ancient Egyptian tradition of installation of obelisks as elements of the Imperial power in the city-states of Phoenicia and in Ancient Israel is considered. It is concluded that the installation of stone monuments (including obelisks) as connecting elements between the world of the living and the world of ancestors was a common Semitic tradition. In Phoenicia, there was a continuity of the ancient Egyptian tradition. In Ancient Israel, due to special religious views on the institution of Royal power, the tradition was not adopted.

Keywords: Ancient Egypt; obelisks; Royal power; city-states of Phoenicia; Israel.

Основные и самые древние находки обелисков на территориях за пределами собственно Египта происходят из финикийского г. Библ, известного из Библии как Gēbal (егип. kpn(y)/kbn, ассир. Gublu, древнеевр. gēbûl), расположенного в 37 км к северу от современного Бейрута. В 20-х гг. XX в. были начаты систематические раскопки города, в результате которых был открыт 21 культурный слой. Одними из самых примечательных объектов, относящихся к периоду Среднего Бронзового века, были так называемый Храм Обелисков – руины храма, который был построен примерно с 1900 г. по 1600 г. до н.э., и Царский некрополь с девятью гробницами. Две из них принадлежали царю Аби-Шему и его сыну Япи-Шему-Аби. Гробница Аби-Шему содержала каменный саркофаг и другие дары, полученные от царя Египта периода правления XII династии Аменемхета III (1818–1773 гг. до н. э.). Гробница Япи-Шему-Аби содержала обсидиановый ящик, подаренный Аменемхетом IV (1772–1764 гг. до н. э.). В Храме Обелисков насчитывается 26 обелисков различной величины из известняка. На обелиске из Национального музея Бейрута сохранилась надпись египетской иероглификой, говорящая о том, что обелиск был установлен царем Библа Аби-Шему, возлюбленным Херишефом-Ра. Херишеф-Ра – солярное божество, которому был посвящен храм.

Учитывая внешнее сходство монументов с обелисками и наличие надписей на египетском языке, можно говорить о сильном влиянии Древнего Египта в регионе в этот период. Возможно, в это время в Библе использовали египетскую систему письма как основную. По всей вероятности, в этот период город формально был египетским, а его правители – наместниками фараона [2, с. 386]. Предназначение храма неизвестно. Обелиски могли быть как элементами заупокойного культа царя и обозначать место для подношений, так и элементами прижизненного культа царя. Таким образом, в данном случае мы имеем дело не с финикийской традицией, а с египетской, согласно которой царь являлся воплощением солярного бога. Местное солярное божество Херишеф было признано воплощением Ра.

Отдельно стоит рассмотреть так называемые колонны Мелькарта в храме Тира (финик. 𐤍𐤏𐤔 šūr, «скала»; греч. Τύρος; лат. Tyrus). К сожалению, храм не сохранился до наших дней, однако о его существовании мы знаем из трудов античных авторов, в частности, Геродота, Менандра Эфесского в передаче Иосифа Флавия, Плиния Старшего. Кроме того, колонны, по всей видимости, явились прообразами колонн Храма Соломона в Иерусалиме Яхин и Боаз [5, с. 15], известных, однако, тоже только по письменной традиции, в данном случае библейской.

Мелькарт (финик. מלך קרת [*Milk qart] «господин города» [9, S. 39] или Ba'al Šūr «господин Тира»), считался прародителем тирской царской династии. Кроме того, Мелькарт почитался как умирающий и воскресающий бог. Возможно, культ Мелькарта носил солярный характер [5, с. 13]. Ю. Б. Циркин писал, что «тирский бог предстает как символ закатающегося и поднимающегося в огненной заре солнца, как герой, осуждающий землю от темных порождений хтонических сил» [6, с. 87]. Мелькарт также отождествлялся с карфагенским богом

Баал-Аммоном ba'al ḥamūn, чье имя происходило от северозападносемитского ḥammān – «жар». На основании чего Баал-Аммон идентифицируется как солярное божество [12]. Известна традиция установки на территории Ханаана каменных объектов культа חַמְמָנִים [ḥammānim]. Б. А. Тураев писал, что «хамманим – это камни или столбики – обелиски, ставившиеся у жертвенников бога» [5, с. 13]. К. Нилсен считает, что под таким названием мы имеем дело с так называемыми «рогатыми» алтарями, имевшими четыре своеобразных выступа по краям [10, р. 45].

Основным источником, свидетельствующим о наличии колонн в храме Мелькарта, является «История» Геродота. Греками Мелькарт был отождествлен с Гераклом, и Геродот называет его Тирским Гераклом [1, 2.44]. Б. Тураев считал, что значение колонн «как символов бога солнца видно уже из того, что, по Геродоту, смарагдовая колонна светила ночью» [5, с. 14].

О храме Тира повествует Менандр Эфесский в передаче Иосифа Флавия в его «Иудейских древностях»: «Он также пошел и вырубил древесину из горы, называемой Ливаном, для крыши храмов; и когда он разрушил древние храмы, он построил храм Геракла и храм Астарты; и он был первым, кто праздновал пробуждение Геракла в месяце Перитии, воздвиг сперва святилище Геракла, а затем – и святилище Астарты» [3, 1, 18 (116)].

Таким образом, учитывая общность традиции установки монументов в честь верховного солярного бога, признание божественного происхождения царской власти и идентичные функции царя, можно говорить о том, что древнеегипетские представления о царской власти не были явлением уникальным, а скорее общесемитским.

Датский ученый XVIII в. Й. Цоэга, рассматривая вопрос обозначения обелисков в коптском и греческом языках, пришел к выводу, что они назывались словом «колона», греч. στήλη, копт. Ḥḥri vꜥꜣai [Djeri Anschai] – расписанная колона. Особых слов для обозначения обелисков, которые были бы связаны с египетским языком, он, не обладая ключом к пониманию древнеегипетской иероглифики, не обнаружил. Изучив тексты Ветхого Завета на древнееврейском, греческом и латинском языках он заключил, что обелиску соответствует древнеевр. מַצְבֵּה [matstsêbâh], которое, в свою очередь, соответствует в Септуагинте греческому στήλη, в Вульгате – латинскому statua [14, р. 129] (табл. 5.1)

Вероятно, соотнесение Й. Цоэгой מַצְבֵּה [matstsêbâh] и обелиска основано также на фрагменте из Книги Пророка Иеремии Ветхого Завета: «и разломает он обелиски Гелиополя, которые в земле Египетской» (Jer 43: 13), где, судя по контексту, מַצְבֵּה [matstsêbâh] соответствуют «obelisks». Также, в некоторых англоязычных переводах Библии (например, New American Standart Bible), здесь употребляется слово «obelisks» [8]. В этом же фрагменте в Вульгате מַצְבֵּה [matstsêbâh] соответствует лат. statuas «et conteret statuas domus Solis quae sunt in terra Aegypti» (Jer 43:13). В Септуагинте – греч. στύλους «καί συντρίψει τοὺς στύλους Ἡλίου πολεῶς τοὺς ἐν ὧν» (Jer 50:13).

Нигде более Танах не выделяет מַצְבֵּה [matstsêbâh] как конкретно египетские предметы солярного культа. В основном, речь идет о каменных памятниках, установленных самими евреями, либо о культовых столбах (статуях, изваяниях) народов Ханаана (табл. 5.2).

Касательно египетских предметов поклонения, используется древнеевр. עֲלִיָּל [‘eliyl] «идол» [11, р. 13], в Вульгате – лат. simulacra (образ, изображение, рисунок, портрет, статуя). «New International Version of the Bible» приводит перевод «sacred stone» (священный камень) (Isa 19: 1). Таким образом, культовые объекты, обозначаемые в древнееврейском языке словом מַצְבֵּה [matstsêbâh] обозначали не только обелиски, но также некие священные камни и столбы, вне зависимости от того, речь идет об объектах культа в Египте, или в Ханаане [8].

Кроме слова מַצְבֵּה [matstsêbâh] в Танахе в отношении каменных памятников культового назначения использовалось слово חַמְמָן [chammân] (от chammâh – высокая температура; по смыслу, солнце: тепло, солнце) – солнечный столб, идол, изображение [11, р. 40]. Значение этого слова кажется более подходящим под определение памятника солярного культа. Однако, изучение текстов Танаха в различных переводах, показывает, что речь о культовых солярных объектах идет лишь в русском Синодальном переводе (таблица 5.3), при этом, одно из упоминаний соотносит эти объекты с культурами Астарты и Баала (Isa 17: 8). Таким образом, очевидно, что речь идет о культовых объектах Ханаана, а не Египта, известных в финикийской традиции как ḥammānim.

Согласно 1 книге Царств 7: 15–22 (2 книге Хроник 3: 15–17) и книге пророка Иеремии 52: 21–23, перед Иерусалимским храмом царя Соломона (Первый храм) были установлены два столба из бронзы, которые были названы согласно 1 Царств 7: 21 (2 Хроник 3: 17) Яхин (יָחִין jākhîn) и Боаз (בּוֹאֵז bo‘az). Колонны (древнеевр. מַמְוֹד ‘ammūwd – столб, колонна, нечто установленное [11, р. 89]) были украшены гроздьями граната, что считается финикийской традицией, и цветами лотоса, что соотносится с египетской традицией. Как отмечает немецкая исследовательница М. Баукс: «сочетание иконографических заимствований из Египта с местными живописными традициями типично для финикийских ремесел» [7]. Также, исследователь считает, что две колонны отождествлялись с искусственными деревьями, которые символизировали плодородие и благословение, данное Яхве жителям Израиля [7]. Древнеегипетские обелиски, являясь символами творения, также имели отношение к плодородию, как объекты, подтверждающие фертильность бога-царя.

Согласно текущему состоянию исследований, общепризнано, что Яхин происходит от еврейского глагола כָּן [kûn] «основывать / закреплять / устанавливать», а Боаз – от существительного אֵז [‘az] «сила / прочность», связанного с предлогом בּ [b] «в» [7]. По всей видимости, это были имена собственные колонн. Запрет на произнесение и использование всуе имени יהוה [YHWH] в еврейской традиции мог привести к замене выписывания имени бога на колонне на использование тропов, коими и явились имена Яхин и Боаз.

На сегодняшний день в иудаике утвердилась точка зрения, согласно которой имена могут указывать на то, что столбы выражали постоянство и непрерывность храма или царствования [15, S. 122–125]. Исходя из иконографических и филологических изысканий, В. Цвиккель делает вывод, что: «Хотя лотос и гранат символизируют постоянно обновляющуюся жизненную силу и плодородие, названия колонн описывают основу для этого: יהוה [YHWH], который твердо утвердил землю и победил хаос, является гарантом продолжительной жизни и плодородия» [15, S. 124].

Сооружение храма Соломона и колонн относится к периоду после исхода евреев из Египта. Поэтому вполне могла иметь место преемственность традиции установки перед храмами парных монументов. Однако, на примере древнееврейского языка, мы видим, что в обозначении непосредственно египетских обелисков и колонн Храма Соломона существовали различия. Причин тому могло быть несколько. Колонны Храма Соломона были созданы в другой культурной традиции, иных климатических и природных условиях, и, несмотря на преемственность идеи установки парных монументов на входе в храм, не могли не иметь своей специфики. Во-первых, использование другого материала: если египетские обелиски выполнялись из камня, то колонны Храма Соломона из металла. Это, скорее всего, было продиктовано экономическими соображениями и наличием/отсутствием природных ресурсов. Во-вторых, Танах разделяет понятие «obelisk» מַטְסֵבֵאֵה [matstsêbâh] (каузативное причастие ж.р. от נָטַב [nâtsab] «разместить») и колонна מַמְוֹד [ammūwd] (отглагольная форма от אָמַד [amad] «стоять») [13]. И то и другое слова являются отглагольными формами, они семантически связаны между собой и относятся к категории понятий, связанных с «установкой, стоянием» какого-либо предмета либо объекта. Судя по текстам Танаха, к категории מַטְסֵבֵאֵה [matstsêbâh] относились, большей части, каменные памятники, форма которых имела внешнее сходство с обелиском, а также те объекты, которым совершались подношения.

По всей видимости, данные памятники относились к элементам заупокойного культа, были объектами, обеспечивающими связь с миром предков, сакральным миром. И в большинстве своем были каменными и имели треугольное/пирамидальное/конусообразное навершие. К тому же, разграничение понятий могло явиться следствием желания сохранить религиозную чистоту народа Израиля (соблюсти Закон). Подтверждением тому могут служить слова Иосифа Флавия, который в своей книге «О древности еврейского народа: Против Апиона» вступает в конфронтацию с неким Апионом (вероятно, египтянином), высказавшем предположение о том, что Моисей устанавливал обелиски, следуя египетской традиции [4, Кн. 2, 2 (8)]. Очевидно, что слова Апиона для Иосифа Флавия являются оскорбительными. Евреи всячески пытались дистанцироваться от традиции материального воплощения царской власти, считая её угрозой религиозной чистоте народа Израиля (соблюдению Закона) (Le 26:1).

Таким образом, в древнееврейском языке обелиски не имели отдельного обозначения. А составители Танаха делили каменные объекты культа на два типа в зависимости от их свойств

либо функций: מַטְסֵבָּאִהּ [matstsébâh] – священные камни или столбы (в эту категорию были отнесены и обелиски) и חַמְמָן [chammân] – каменные алтари Ханаана. Из этого следует, что традиция возведения обелисков как элементов института царской власти не была перенята в Древнем Израиле в силу иного религиозно-политического устройства государства.

Библиографические ссылки

1. Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г. А. Стратановского. М. : Наука, 1972.
2. Древний Восток: учеб. пособие для вузов / Н. В. Александра [и др.]. М. : Астрель: АСТ, 2008.
3. Иосиф Флавий. Иудейские древности / Пер. Г. Г. Генкеля. Минск : Беларусь, 1994. Т. 1–2.
4. Иосиф Флавий. О древности еврейского народа: Против Апиона. Москва-Иерусалим : Еврейский университет в Москве, 1994. С. 113–222.
5. Тураев Б. А. История Древнего Востока. Т. 2. Л. : ОГИЗ, Соцэкгиз. Ленингр. отд., 1935.
6. Циркин Ю. Б. Мифология Мелькарта // Античный мир и археология: сб. науч. тр. Выпуск 3. Саратов, 1977. С. 72–89.
7. Bauks M. Art. Jachin und Boas [Electronic resource] // Das Wissenschaftliche Bibellexikon, 2010. Mode of access: <https://www.wibilex.de>. Date of access: 26.04.2019.
8. Bible study tools [Electronic resource]. Salem Media Group, 2018. Mode of access: <https://www.biblestudytools.com>. Date of access: 26.04.2019.
9. Friedrich J. Phönizisch-Punische Grammatik. Roma : Pontificium Institutum biblicum, 1970.
10. Nielsen K. Incense in Ancient Israel. Leiden : BRILL, 1986. Т. 38.
11. Strong J. Dictionary of the Words in The Hebrew Bible. Nashville-New York : Abingdon Press, 1890.
12. Walbank F. W. A Historical Commentary on Polybius. Oxford : The Clarendon Press, 1979. Vol. 2.
13. Westminster Biblia Hebraica Stuttgartensia // BibleWorks for Windows 4.0 [Electronic resource]. Electronic data and software (645 Mb). ScreenCam Player. Lotus Development Corporation, 1996–1998. 1 CD-Rom.
14. Zoëga J. De origine et usu Obeliscorum ad Pium Sextum Pontificem Maximum. Rome : Lazzarini Typographi Cameralis, 1797.
15. Zwicker W. Der salomonische Tempel. Mainz: von Zabern, 1999.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТА ИСИДЫ В ПТОЛЕМЕЕВСКОМ ЕГИПТЕ

А. П. Сенина

Минск, Белорусский государственный университет, alex.senina99@mail.ru

Статья посвящена проблеме трансформации культа богини Исиды в эллинистическом Египте. Исследование культа Исиды дает возможность ознакомиться с политикой царей того периода и получить представление об общем состоянии духовного и культурного развития Птолемеевского Египта. В своем становлении культ прошел несколько этапов и приобрел целый ряд новых черт, обусловленных вхождением Египта в новый социально-культурный и политический ареал. В эпоху эллинистического Египта Исиды представлялась уже полноценным божеством со множеством индивидуальных ролей. Богиня приобрела черту универсальности и стала отождествляться фактически со всеми другими богинями, совокупив в себе все их функции. В связи с тем, что Исиды затрагивала все аспекты жизни, ей поклонялись не только греки и египтяне, но и другие этносы, причем выходцы из различных слоев, что в конечном итоге привело к распространению культа богини далеко за пределы Египта.

Ключевые слова: Исиды; культ Исиды и Осириса; Птолемеи.

The article is devoted to the problem of the transformation of the cult of the goddess Isis in Hellenistic Egypt. The study of the cult of Isis provides an opportunity to get acquainted with the policies of the kings of that period and get an idea of the general state of spiritual and cultural development of Ptolemaic Egypt. In its formation, the cult went through several stages and acquired a number of new features, due to the entry of Egypt into a new socio-cultural and political area. In the era of Hellenistic Egypt, Isis was already a full-fledged deity with many individual roles. The goddess acquired the trait of universality and became identified with virtually all other goddesses, combining all their functions. Due to the fact that Isis touched all aspects of life, she was worshiped not only by Greeks and Egyptians, but also by other ethnic groups, and people from different backgrounds, which ultimately led to the spread of the goddess cult far beyond Egypt.

Keywords: Isis; cult of Isis and Osiris; Ptolemaic dynasty.

Птолемеевская эпоха является важным этапом в развитии культа Исиды, так как он претерпел значительные изменения, вызванные вхождением Египта в состав нового государственного образования и новый культурный ареал на основе эллинистической культуры. Династия Птолемеев является уникальным примером того, как правители не только инициировали создание своих божественных культов, но также, проницательно оценивая геополитическую обстановку в Египте, использовали религиозные культы и строительство